

Ша Жусюэ как раз вел урок, когда в зал ввалились два маленьких черных поросенка. Опешив на мгновение, он тут же отвесил обоим по пинку, заставив их кубарем откатиться назад.

— Откуда здесь свиньи? А ну, вон! — гаркнул он.

Его старший ученик, Чэнь Линь — обладатель вечно бесстрастного лица и взгляда дохлой рыбы — молча подошел к незванным гостям. Он прижал копошащихся животных к полу, перехватил их за копытца и вышвырнул за порог.

Едва коснувшись земли, поросята с громким хлопком обернулись людьми.

Чэнь Линь даже бровью не повел, лишь тускло уставился на представших перед ним младших братьев.

—... Что здесь происходит?

Ученики, обливаясь слезами, бросились в ноги к наставнику.

— Учитель! Нас обидели! — завyli они, вцепившись в халат Ша Жусюэ. — Кто-то наложил заклятие и превратил нас в свиней!

Ша Жусюэ мгновенно вспыхнул.

— Кто посмел?! Обидеть моих учеников — всё равно что дать мне пощечину! Ведите, я с ним рассчитаюсь!

— Это... это старший дядя Чу...

Не успели они договорить, как Ша Жусюэ отвесил обоим по подзатыльнику.

— Сами виноваты, — буркнул он, тут же растеряв весь запал.

Связываться с Чу Ханьюэ он не решился бы и под страхом смерти. Дураков лезть на рожон в его секте не водилось.

— Наставник, мы не закончили! — заголосили те, приукрашивая на ходу. — Это был ученик старшего дяди, тот нищий оборванец! Мы всего лишь подошли поздороваться, а он, прикрываясь именем учителя, и смотреть на нас не пожелал. Сказал, что вы — безмозглый неудачник, а нам, вашим ученикам, и вовсе не место рядом с ним!

— Что?! Да как он... — Ша Жусюэ задохнулся от возмущения, но Чэнь Линь вовремя прервал

его.

— Учитель, эти двое вечно ищут повод для драки. Сдается мне, они сами спровоцировали ученика старшего дяди. Позвольте мне пойти и разобраться на месте.

Ша Жусюэ был скор на расправу и верил всему, что слышал, но его старший ученик отличался редкостным благоразумием. Раз уж дело касалось Чу Ханьюэ, лезть на рожон было опасно. Вдруг тот и впрямь научил своего подопечного так относиться к окружающим? В конце концов, если сам Ханьюэ назовет его никчемным, Ша Жусюэ даже возразить не сможет.

— Ступай, — махнул он рукой.

Когда Чэнь Линь добрался до тренировочного поля, Цинь Фэн уже закончил пробежку и ушел. К жилищу Чу Ханьюэ приближаться никто не смел, так что ученику оставалось лишь ждать следующего утра.

Едва стемнело, Цинь Фэн завалился в кровать. Он наложил на кисть заклинание, и та сама заплясала по бумаге, выполняя за него опостылевшие задания. Сам же он, закрыв глаза, мгновенно провалился в мир сновидений.

Чу Ханьюэ сегодня тоже прилег пораньше. Стоило ему забыться сном, как пламя свечи на столе дрогнуло, и он почувствовал навалившуюся тяжесть — Цинь Фэн привычно разлегся прямо на нем.

Ханьюэ, опершись на локти, попытался приподняться, но гость тут же по-хозяйски обхватил его за талию.

Чу Ханьюэ хотел было оттолкнуть наглеца, но, заметив на лице Цинь Фэна печать глубокой усталости, замер. Его рука так и осталась висеть в воздухе, пальцы невольно сжались в кулак. Сердце предательски дрогнуло.

— Бессмертному почтенному лучше вернуться и отдохнуть как следует, — негромко произнес он.

Цинь Фэн вскинул на него взгляд и лукаво приподнял бровь:

— Что, думаешь, я уже не тот? Хоть я и пахал весь день, на деле это не скажется. Я могу не спать три дня и три ночи, а всё равно доведу тебя до такого исступления, что вопли твои на небесах услышат.

Чу Ханьюэ вмиг помрачнел. Перед глазами некстати всплыло воспоминание о том, как он сам невольно срывался на стон под его напором.

— Еще раз услышу подобные мерзости — и ноги твоей здесь больше не будет, — отрезал он, отпихивая мужчину.

— Виноват, — тут же покаялся Цинь Фэн, заметив, что перегнул палку.

Он снова привалился к плечу Ханьюэ, ластясь и тычась макушкой в его подбородок, словно преданный пес. Впрочем, при его внешности он больше напоминал не милого щенка, а здоровую и свирепую собаку, которая в порыве чувств готова разнести весь дом.

Ханьюэ невольно вздохнул. Как ни странно, он начал привыкать к этой нелепой ласке. Мало того — ему даже захотелось погладить «Бессмертного почтенного» по голове.

Поспешно отогнав эту глупую мысль, он спросил:

— Чем же вы были так заняты, что измотали себя до такого состояния? Неужели спускались в мир смертных, чтобы сразить очередного демона?

Ханьюэ доводилось читать немало жизнеописаний Хуаяна. На страницах книг тот всегда выглядел величественно и безупречно в пылу битвы. Ему вдруг захотелось услышать о подвигах из первых уст.

— Да нет, всего лишь бытовые пустяки, — отмахнулся Цинь Фэн.

Он перехватил запястье Ханьюэ, прощупывая пульс.

— О тех скучных делах и говорить не стоит. Лучше посмотрю, прижилось ли во чреве мое дитя.

При слове «дитя» Ханьюэ то бросало в жар, то обдавало холодом. Он инстинктивно прикрыл живот ладонью, и оба на мгновение замерли.

— Всё еще здесь... — Цинь Фэн внезапно склонился и прижался ухом к животу Ханьюэ. — Послушаю-ка... Мой ребенок. У меня будет ребенок!

— Кто позволил тебе слушать?! — Ханьюэ весь напряжился. — Срок еще слишком мал, что ты там надеешься разобрать?

— Для простых смертных — мал, но разве я не услышу? — Цинь Фэн прижал палец к губам, призывая к тишине. — Постой... Кажется, он не один.

Чу Ханьюэ, хоть и понимал умом, что это лишь сон, невольно затаил дыхание. Глядя на сосредоточенный профиль Цинь Фэна, он даже забыл, что должен его прогнать.

Цинь Фэн поднял два пальца:

— Двое! Похоже, будут близнецы.

Заметив его неподдельную радость, Ханьюэ почувствовал, как краска заливает уши.

— Чему ты так радуешься? Это всего лишь сон, завтра от него и следа не останется.

— Не факт, — Цинь Фэн продолжал вслушиваться. — Я чувствую в них жизнь. В мире грез тоже есть свои живые существа. К примеру, демоны снов, что пожирают чужие годы жизни. Когда наши дети родятся, ты научишь их искусству экзорцизма, чтобы они могли давать отпор всякой нечисти, ворующей чужое время.

— Нет, это уже слишком... — Чу Ханьюэ окончательно растерялся.

Разум отказывался верить: как мужчина может выносить дитя? Но перед ним был бог, и кто знает, какими силами тот обладал...

— Какие бодрые ребята, — Цинь Фэн едва ли не светился, чувствуя ладонями тепло. — Живучие. Все в меня.

Ханьюэ не выдержал. Он схватил наглеца за ухо и силой заставил подняться.

— Ты наслушался или нет?!

— Ай-ай, больно! — Цинь Фэн зашипел, совершенно не заботясь о своем достоинстве. — Дай еще разок, я так и не понял, кто там — мальчики или девочки.

— Проваливай!

Видя, что Ханьюэ на пределе, Цинь Фэн поспешил его успокоить, похлопывая по спине:

— Негоже в твоём положении так гневаться, это вредно для здоровья.

— Пошел вон! Вон! — Ханьюэ от ярости уже и слов подобрать не мог.

В ответ Цинь Фэн лишь улыбнулся и явил из воздуха миску с ароматной ухой.

— Раз ты в тягости, нужно подкрепиться. Знаю, что ты любишь острое, так что велел приготовить покислее да с перцем.

Чу Ханьюэ порывался опрокинуть миску, но, глядя на исходящий паром бульон, украшенный колечками красного чили, невольно сглотнул слюну. В животе предательски заурчало.

<http://bllate.org/book/17570/1658700>